

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В РУСЛЕ СРЕДОВОГО ПОДХОДА

Ю.В. Кобенко

Аннотация. Критически осмысляются постструктуралистские подходы в аспекте их аппликативности, приводятся аргументы в пользу имплементации в языкознании средового подхода, отправным тезисом которого является бесполезность человеческого языка вне среды обитания человека. Средовый существует как подход субординативного порядка в русле более крупного эволюционного, который выступает общей рамкой теоретических и методологических положений теории эволюции. Средовый подход берет свое начало в философской антропологии Й.Г. Гердера, где понимается как «искусственно созданный, адаптированный мир», эквивалентный человеческой культуре как совокупности антропогенных факторов, составляющих усредненно третью часть окружающей среды. Язык нецелесообразно рассматривать как достояние человека, а скорее как результат образования надорганизменной формы организации популяции особей, использующих определенную систему знаков для взаимодействия внутри своей среды, о чем свидетельствуют прецеденты наличия рудиментарных форм языка у приматов. Средовый подход может быть использован в качестве теоретико-методологического основания для всей палитры языковых явлений от интра- до экстралингвистики. Биологическое начало человека и созданный им «искусственный мир» обусловили дуализм человеческой природы, представленный бинарной оппозицией «соматическое (биологическое) vs экзосоматическое (культурное)». Язык принадлежит к экзосоматическим компонентам среды обитания homo и в отличие от биологической информации, репродуцируемой в результате передачи генома в другое поколение, реплицируется в среде внегеномно, благодаря чему обнаруживает сходство с вирусом: и вирус, и язык используют человека как переносчика информации (host) и значительно изменяют его поведение. Языковая природа отдельной особи обнаруживает признаки идиолекта, а языкового коллектива – социолекта. Принципом образования внутрисредовых языковых форм выступает отбор полезных средств, образующих индивидуальный прожиточный минимум отдельного пользователя и целых коллективов. Базовыми средовыми функциями языка как эволюционного продукта выступают связующая (и ее пандан – демаркационная), перформативная и номинативная.

Ключевые слова: средовый подход; эволюционизм; среда обитания; человеческий язык; культура.

Введение

Парадигма постструктурализма, фактически полностью вытеснившая структурно-системный подход из отечественных исследований в области лингвистики, способствовала, безусловно, некоторому расширению объекта наблюдения, позволившему взглянуть на язык с раз-

личных углов зрения, однако с тем же породила изрядное количество самодостаточных подходов, приведших в итоге к беспрецедентному отставанию науки о языке от других отраслей научного знания, с которыми она делит объект исследования. Так, прирост новых лингвистических данных обеспечивается сегодня такими дисциплинами, как этология, нейробиология, антропология, социология, логика, философия, кибернетика и др., в то время как сами языковеды предпочитают решать главным образом самодостаточные задачи частного порядка, обильно снабдивая аппараты своих исследований конъюнктурными терминами постструктурализма вроде «когнитивный», «дискурсивный», «фреймовый», «кодовый» и т.п.

Расплатой за практикуемый постсоссюрианский альтернативизм может стать первенство вышеперечисленных научных дисциплин в вопросах генеза и эволюции языка, которое обяжет, в первую очередь, современную отечественную лингвистику к уплате унизительной дани в виде ста процентов научной новизны наукам естественно-научного цикла. Ведь о связи референтного мышления, появившегося в эпоху Большого культурного скачка, т.е. способности говорить о том, что не находится в поле зрения говорящего, и такого «программного обеспечения» языка, как импликация (конструкция «если..., то...»), мы знаем от этологов [1. С. 50]; о сопряженности ономаσιологических (лексико-семантических) структур языка с нейронно-функциональными полями головного мозга человека – от нейробиологов [2]; о биологических (не «духовных») причинах происхождения языка – от палеоневрологов [3]; о существовании благоприятного «сенситивного» периода для изучения естественного языка – от антропологов [4], о закономерностях эволюции языковой ризомы – от философов [5] и т.д., уже вовсе не говоря об ареальной и социальной лингвистике, заветные знания для которых традиционно добываются этнографами, историками, социологами, культурологами.

Собственный «вклад» отечественной лингвистики последних двух десятилетий в науку о языке ограничивается, несмотря на заявленную постструктуралистскую широту, главным образом практикой двух тупиковых направлений так называемых исследований: 1) интралингвистического толка (от социума к говорящему) для изучения системы языка в головах отдельных его носителей (как парадоксальный пережиток хомскианства) и 2) экстралингвистического толка (от говорящего к социуму) для постижения закономерностей мышления (с выделением невероятного количества «концептов», «висящих» в невесомости культурного пространства homo). Однако подобные заблуждения не только не подвергаются сегодня должной критике сотоварищей по цеху [6. С. 22], но и стали в рядах многочисленных адептов постструктурализма своего рода «научной» религией, которую просто не принято

критиковать. Такое явление, как язык, не может существовать в рамках лишь одного научного направления, языкознание, и должно быть отчетливо различимо с позиций различных научных дисциплин. Тем не менее, «открытия» постструктуралистов, вопреки декларируемому практически в каждой современной диссертации по филологии междисциплинарному подходу, понятны лишь самим «открывателям» и не находят подтверждения ни в сопредельных науках, ни в трудах последователей (ср. термины «гиперконцепты», «метафреймы», «лингвокультуре́мы», «ментальный лексикон» и т.п., которые якобы могут быть чем-то полезны изучающему язык). При этом каждый первый постструктуралист не знает, что особенностями мышления (как оборотной стороны речи, которую А.Г. Невзоров обозначает как «деанатомизированное говорение» [7. С. 219]) занимается наука логика со времен ее основателя Аристотеля (IV в. до н.э.) [8. С. 7–42], а экраном мыслительных процессов выступают не «концепты» и «фреймы», а синтаксис, который изучает банальная грамматика [9].

Как представляется, назрела острая необходимость четкой и недвусмысленной сегрегации не просто лингвистических от нелингвистических, но уже скорее научных от конъюнктурных (наукообразных) исследовательских практик. При этом такая демаркация должна пониматься не столько как мера по изъятию лингвистики из системы координат фаллибистического постструктурализма, сколько как возвращение ее в свое природное лоно – в естественно-научную среду.

Методологическая часть

Любые выделяемые подходы обнаруживают матричную (агрегативную) зависимость: каждый последующий помещается в «матрешку» более крупного предыдущего. Наиболее крупным выступает для наук естественно-научного цикла эволюционный подход, или эволюционизм, понимаемый сегодня как «совокупность теоретических и методологических положений эволюционной теории, используемых в качестве концептуальной модели для научного исследования, интерпретации, оценки и систематизации научных данных, для осмысления гипотез и решения задач, возникающих в процессе научного познания» [10. С. 422]. Как постулирует В.П. Даниленко, «движение знания к объективной истине, в первую очередь, зависит от наличия в сознании его носителей единственно верного мировоззрения – эволюционизма» [11. С. 16], в русле которого и функционирует средовой (не «средовой») подход как подход субординативного (частного) порядка. Его основной тезис можно сформулировать следующим образом: человеческий язык с диалектикой всех его возможных форм не существует вне среды обитания *homo* и ей же одной и ограничен. Основателем средового подхода считается веймарский культурфилософ

Й.Г. Гердер, который в своем четырехтомном труде «Идеи к философии истории человечества» (*«Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit»*, 1782–1788) обосновал культуру как некую «питательную среду» языка: «Чтобы выжить, человек вынужден был сотворить себе “вторую природу” – искусственно разработанный, адаптированный, дополнительный мир» [12. С. 22].

Средовый подход никоим образом не исчерпывается вопросами происхождения и развития языка. Скорее это общий контекст рассуждений о гердеровском «искусственном» мире, главной задачей которого выступает трансгуманизм как создание благоприятных условий естественного отбора через преодоление негативных аспектов бытия [13. С. 57]. Для этого любые надорганизменные формы организации жизни сопровождаются порождением средства коммуникации, пригодного для взаимодействия всех особей популяции, – языка. Французский врач и диалектолог К.-Ш. Пьеркен де Жамблу в своем нашумевшем труде «Идиомология животных, или Исторические, анатомические, физиологические, филологические и глоттологические исследования языка животных» (*«Idiomologie des animaux ou recherches historiques, anatomiques, physiologiques, philologiques, et glossologiques sur le langage des bêtes»*, 1844) представил язык южноамериканских обезьян в форме глоссария (*glossaire-ouistiti*) из 11 слов-сигналов и посвистов, используемых животными для обмена сведениями в стае, оповещения об опасности и т.п. [14. С. 150–154]. Немецкий лингвист и антрополог Г. Швидецкий, бургомистр некогда прусского города Лешно (*Lissa*) и председатель Общества изучения языков животных и праязыков (*Gesellschaft für Tier- und Ursprachenforschung*), обосновал в своем труде «Язык шимпанзе, древнемонгольский, индогерманский» (*«Schimpansisch, Urmongolisch, Indogermanisch»*, 1932) вклад обезьяньего в такие человеческие языки, как древнекитайский, санскрит, немецкий [15]. Как можно видеть, язык совершенно неправомерно закреплять за homo как некий уникальный его атрибут, а надобность среды и, следовательно, языка в ней – сугубо естественного, а не мистического («ментального») свойства, как бы ни настаивали постструктуралисты. Язык есть свойство любой среды, ее важнейший ингредиент, обеспечивающий коммуникацию (от лат. *commune* – общество) всех особей популяции, поэтому важнейшей функцией языка выступает связующая [16. С. 22–23], которую зачастую выдают за коммуникативную.

Решающими преимуществами имплементации средового подхода в языкознании являются: 1) рассмотрение языка как естественного средства взаимодействия и неотъемлемой составляющей среды обитания homo; 2) описание сложной и многогранной эволюции литературных языков в ее системообразующих аспектах, т.е. с учетом роли и состава среды, в которой формируется тот или иной идиом [17. С. 39–40]. Аппликативный потенциал средового подхода распространяется на всю палитру

языковых явлений и функций от интралингвистической сферы (грамматического «ядра» языка) до смежных областей экстралингвистики (языковых контактов, политики, культуры речи и пр.) [18. С. 192].

Теоретическая часть

Для рассмотрения языка и культуры в призме средового подхода в данной статье используется интроспективный метод для обоих объектов: «культура в среде», «язык в среде».

Культура в среде. Если в начале ушедшего века понятие «среда» интерпретировалось Э. Сэпиром еще несколько натуралистично, буквально как физическое окружение (physical environment) [19. С. 227], то уже в конце XX столетия данным термином в науке стало обозначаться фактически противоположное ему – окружение как совокупность «биотических (живых), абиотических (неживых) и антропогенных условий обитания особи, популяции или вида» [20. С. 40]. Отчетливая эксемия понятия «окружающая среда» привела к синонимичному использованию терминов «окружающая среда» и «культура», к примеру, в работах отечественных педагогов [21], однако данные явления соотносятся как целое и одна треть, что недвусмысленно вытекает из приведенной выше трактовки В.Г. Афанасьева. Человеческая же среда обитания как совокупность антропогенных условий и факторов, обеспечивающих выживание в ней особи homo, действительно, идентична понятию культуры в ее гердеровском (философско-антропологическом) понимании.

Культура зачастую противопоставляется в работах эволюционистов биологическому началу, ср.: дихотомию Р. Докинза «биологическое / генетическое (соматическое) vs культурное (экзосоматическое)» [1. С. 16]. В основе данного противопоставления лежит дуализм природы homo, обусловленный эволюционно сложившейся у человека в результате перехода от естественного к искусственному отбору бинарной системой контроля поведения: инстинктивно-гормональной vs рассудочной (нейробиологической), представленной лимбическим комплексом (висцеральным мозгом) и неокортексом. Существование двух центров и, соответственно, двух методов анализа событий С.В. Савельев связывает с появлением конфликтов и противоречий в поведении человека: социально-биологический блок приобретенных (животных) инстинктов построен на скрытой реализации гормонально-инстинктивных форм поведения, а рассудочный набор методов сформирован на базе приобретенных социальных инстинктов [3. С. 72]. Переход от естественного к искусственному отбору, начавшийся около 2,5 млн лет назад в эпоху плейстоцена [22. С. 3], можно считать отправной точкой формирования гердеровской среды, главными атрибутами которой должным образом выступают искусственность, социальность и деанимализация.

Внутри среды антиномия «биологическое vs культурное» и соответствующие поведенческие паттерны приобретают все более выраженный контраст: развиваясь в направлении от анимализма, стремительно социализирующаяся популяция человеческих особей вырабатывает на их основе целую систему бинарных оппозиций, ср.: «биология (физиология) vs культура», «биологический индивид (особь) vs личность», «инстинкты vs рассудок», «ген vs мем» [23] и т.п. Примечательно, что иерархическая соотнесенность приведенных антиномий, обусловленная эволюцией вида *homo*, значительно уступает их оппозитивной (линейно-контрарной) трактовке в обиходной и научной практике. Дуализм прослеживается вплоть до разговорных выражений «уничтожить морально и физически» и «быть никем и ничем», коррелирующих с соответствующими эволюционными ипостасями человека. В связи с этим уместно уточнить, что вопросы «кто ты?» и «что ты?», существующие и в других языках, направлены на разные элементы оппозиции «биологический индивид (особь) vs личность»: кто – на биологического индивида, что – на «личность» как единицу среды (ср. в немецком языке: *wer bist du?* – кто ты (какого ты рода, племени)?; *was bist du?* – кто ты по профессии (какой твой *modus vivendi*)?) [18. С. 88].

Таким образом, культурное как агрегация социального опыта человека в контексте трансгуманизма способствовало трансформации *homo sapiens* как единицы популяции (биологического индивида) в *homo ludens* – личность как единицу гердеровской среды. *Homo ludens* – есть квинтэссенция экзосоматического опыта человека, его внутрисредовое амплуа с тем набором ролей, который помогает ему выжить в культурном «театре» средовых событий. Равно как и роль языка, роль личности обесмыслена вне человеческой среды обитания. Феномен мауглеоидов, более известных как *homo ferus*, наглядно демонстрирует, что ни язык, ни человеческие социальные игры не гарантируют выживания тех же самых особей *homo* в естественных условиях дикой, неадаптированной для человека природы. Личность выступает культурологическим идентификатором биологической особи в среде обитания *homo* (человек стремится очеловечивать (персонифицировать), снабжать ярлыками все окружающие его объекты, давая им имена, клички, дефиниции), однако этиология самой личности – небιологического (искусственного) характера: «Ровно в той же степени, как и “человек”, понятие “личность” сформировано из искусственных декоративных признаков, в числе которых даже костюм, прическа, привычка, осанка, биография, “свойства характера”, речь, религия, “национальность” и прочие вторичные, по сути, малосущественные особенности, навязанные местом и временем рождения, традициями и нюансами социума. Все эти качества, приметы и особенности существенны лишь для внутривидовых игр. Это просто аксессуары, которыми эпоха и различные

обстоятельства декорируют самого homo, так и интересующее нас свойство, именуемое “личность”» [7. С. 263–264].

Язык в среде. Бинарная система контроля поведения породила двоякий механизм наследования поведения: геномный (генетический) vs. внегеномный (культурный). Генетическая информация передается методом репродукции, а культурная (внегеномная) – методом репликации в среде посредством человеческих контактов и средств массовой информации. Язык как важнейший ингредиент и своего рода «цемент» среды распространяется также методом репликации. Реплицирование информации является функцией зеркальных рецепторов (нейронов) головного мозга человека [2]. Реплицируя информационные ингредиенты среды, человек так или иначе идентифицирует себя с их содержанием и таким образом становится частью искусственного гердеровского мира. Данный механизм «приращения» человека к среде обозначается синхронизацией [18. С. 93], которая и отвечает на главный вопрос хомскианства: как человек порождает бесконечное количество грамматически правильных предложений? Только, как можно видеть, заданное Н. Хомским направление исследования из среды внутрь черепной коробки человека представляется неверным. Признак говорения сообразно грамматическим правилам, фонетическим и лексическим нормам катализируется единственно через говорящую среду благодаря все тем же зеркальным нейронам, пока особь находится в той или иной языковой среде. Язык как средовый ингредиент принадлежит к внегеномной информации, передать которую репродуктивным (генетическим) способом невозможно, а значит, поиск языковых генов отдельными коллективами ученых следует признать заведомо провальным предприятием. У человека нет языковых органов (и «когнитивных» тоже), а центры Брока и Вернике, отвечающие за порождение человеком речи, присутствуют и у животных тоже, только имеют несколько другую функциональную направленность. Механизм репликации взят за основу функционирования электронных социальных сетей, новости (посты) в которых передаются от одного пользователя всей группе контактов и т.д.

Воспроизведение человеческим коллективом реплицированной информации приводит к усложнению (агрегации) самой среды. Принцип данного усложнения обозначается в науке термином «рекурсия» и напоминает бесконечное добавление придаточных предложений по образцу английского народного стихотворения «This Is the House That Jack Built». Калейдоскопическое усложнение экзосоматической природы среды обитания homo находит отражение в любой лексической системе из действующих сегодня около 7 000 языков планеты. Кумулятивный потенциал лексического строя звучащих языков – живое свидетельство усложнения системы внутрисредовых отношений особей, оторефлектированных человеческим языком.

Среда оказывает на индивидов два типа влияния: 1) непосредственное (недифференцированное), итогом которого будет образование языкового коллектива (коллектива говорящих), и 2) опосредованное (дифференцированное), направленное на взращивание языкового индивида. Непосредственное влияние представляет собой стихийный педагогический процесс, затрагивающий всех особей, в то время как опосредованное предполагает пестование талантов. Содержание среднестатистического представителя языкового коллектива будет коллекционным (социолектным), а языкового индивида – селекционным (идиолектным). Индивидуальное выступает своего рода надстройкой коллективного, его индивидуально значимым продолжением внутри человеческой среды, поэтому быть личностью в среде престижно [18. С. 194]. Ингредиенты среды (в том числе языковые) делятся сообразно типам воздействия на коллективные и индивидуальные. Коллективные присутствуют у всех особей homo с целью обеспечения их выживания в гердеровской среде, индивидуальные выступают «штучным товаром» и отбираются (языковым) индивидом исключительно для решения экзосоматических (небиологических, творческих) задач. Язык – есть всегда индивидуальный прожиточный минимум особи: кому-то достаточно языкового репертуара Элочки-людоедки в 30 лексических единиц, а кому-то не хватает и словарного запаса И.В. фон Гете (90 000 единиц). В первом случае уместно заключить, что язык использует человека как переносчика (host) информации в среде, во втором случае сам индивид отбирает необходимые для репликации ингредиенты среды, которые будет передавать дальше.

Язык реплицируется в среде двумя способами: 1) звуковым (через порождение и дешифровку акустической волны, т.е. через звуковой канал) и 2) письменным (через зрительный канал при использовании норм литературного языка). Язык и вирус имеют схожую природу: они происходят из окружающей среды, живут в переносчике и изменяют его поведение [24, 25]. Способом их распространения является репликация: язык и вирус передаются в среде идентичным способом – через каналы (ризомы) социальных связей переносчиков. Язык – это привычка говорить, а речь – это постоянная «зараженность» инфекцией среды – языком. Идеальным языковым вирусом выступают продукты рекламы и пропаганды (религиозной, политической и пр.): попадая в голову переносчика, они закрепляются там надолго, в различной степени изменяя его поведение.

Язык проникает в голову грудного ребенка через звучащую речь в изрядно фрагментированном виде. И лишь при помощи правил грамматики (логики языка) ребенок по мере взросления собирает из отдельных образцов речи сложную мозаику языковой системы, точнее ее индивидуальную прожиточную копию, ибо всеми правилами грамматики пользоваться невозможно, как и лексическими (стилистическими) средствами языка. Корректирующим фактором здесь выступает узус,

т.е. живая норма, позволяющая синхронизировать индивидуальную мозаику с коллективными правилами говорения [26. С. 10]. Слухопроизносительные и ритмико-интонационные навыки формируются у ребенка благодаря зеркальным нейронам, т.е. в результате непосредственного подражания окружающим. Следовательно, в образовании того, что называется «речепорождающим механизмом» в голове пользователя, участвуют лексические, фонетические средства и правила грамматики. Для чего человеку могут понадобиться «концепты», «фреймы» и «ментальные лексиконы» при внегеномной передаче информации посредством звукового канала, когнитивисты не поясняют. Представления, в отличие от знаков (оболочек слов) и десигнатов (понятий) (см. треугольник Г. Фреге [18. С. 136]), не относятся к языковой природе, они – отражение нейропсихических процессов, направленных на создание в мозге человека миниатюр объектов, процессов, явлений реальности – денотатов. Независимо от того, какой Mercedes представляет себе отдельно взятый человек – вишневого или цвета индиго, само слово «Mercedes» остается константным, так как эта единица – устойчивое, узнаваемое, общеупотребительное средство коллективного пользования, объективно существующее в речевом обороте вне индивидуальных представлений отдельных языковых пользователей. Этим и удобен язык. Если бы вместо единиц, закрепленных в обиходе языковой нормой, существовали только индивидуальные представления (в виде «метафреймов»), такой язык был бы совершенно бесполезен для общественного взаимодействия. Становится очевидным, что весь постструктурализм с его уклоном в антинаучную мистику выступил в истории лингвистических учений как очередное доказательство пресловутого «Демона Лапласа»: если система языка прекрасно функционирует без «ментальных единиц», то зачем их вообще выделять?

Расширение человеческой среды привело к тому, что функция контроля поведения частично перекладывается на сам язык. Слово, как давно известно, является поступком. Оно уже не столько описывает действие, сколько само по себе является действием [Там же. С. 94]. Поэтому второй по значимости функции языка после связующей выступает не «когнитивная», как убеждают нас в каждой диссертации когнитивисты, а перформативная (поведенческая): перформативные конструкции «согласен взять в жены», «рекомендую к защите», «отказываюсь признавать» и т.п., репрезентирующие конкретные бихевиористические акты, явственно делят биографию homo на до и после.

Третьей по значимости функцией языка является номинативная, ибо поведенческие акты требуется различать, о чем красноречиво свидетельствует юридическая практика. Крылатые латинские паремии «nomen est omen» (имя есть судьба) или «nomina si nescis perit et cognitio rerum» (уйдет название, исчезнет и понимание вещи) недвусмыс-

ленно доказывают важность функции имянаречения для средового человека (*homo litteratus*). Давая имена (знаки) всему окружающему, человек учится, познает мир, развивается внутри среды. Значимость наименования для познания окружающего мира сложно переоценить: многое вокруг нас мы различаем лишь по имени (ср. виды животных, растений, минералов). Имена собственные относятся к языковым универсалиям, а в немецком языке существует любопытная поговорка как сгусток уникального культурного опыта «*der Name ist Programm*» (имя говорит само за себя; в имени заключен характер вещи) [18. С. 159].

Итак, среда породила принципиально другого человека в сравнении с тем, который отправился из лесов на просторы саванны около 2,5 млн лет тому назад. Личность (*homo ludens*) – результат «привязки» (приращения) свободного биологического индивида к искусственной гердеровской среде, своего рода гримировка человека (персонификация) перед выступлением на сцене среды, где каждый носит собственные костюмы и играет свои роли [18. С. 188]. В гердеровской среде люди привыкли воспринимать друг друга через понятие «личность». При этом другие виды (кошки, собаки и др.), разделяющие с нами среду обитания, звания личности в основном не устаиваются, хотя и снабжаются именами (знаками). Безусловно, в определении личности решающую роль играет язык: наиболее любопытной языковой проекцией личности выступает биография как повод репликации положительной или отрицательной информации о человеке в среде. Языковой портрет личности (идиолект) – объект исследования стилистики и прагматики. Это не означает, что нельзя исследовать личность в рамках других дисциплин, однако любые поиски личности вне языковой реальности автоматически лишают такое исследования предикативной лингвистической (филологической) составляющей.

Язык – достояние среды и продукт эволюции. Неправоммерно приписывать его *homo*, как и клюв современным цаплям: и те, и другие просто унаследовали данные признаки, поэтому так называемый антропоцентризм как главный принцип постструктурализма – не более чем очередное заблуждение малочитающей в междисциплинарном ключе публики, о чем свидетельствуют практики фиксации языков других видов. И если отдельные представители вида *бонобо* (карликового шимпанзе), задействованные в ряде лингвистических экспериментов, смогли все же освоить язык другого вида (*homo*) в форме нескольких сот лексикограмм, то лучшие представители самого *homo* практикуют беспрецедентный языковой шовинизм, утверждая в своих диссертациях, что язык носит исключительно «антропоцентрические» черты.

Современные особи *homo* имеют такое же отношение к языковым знакам, как и к собственным фамилиям: они их просто переносят как вирусы, получив их в пользование от предков или других синхронно живущих особей (в результате регистрации законного брака). По этой

же причине язык не является достоянием каждого человека и только человека. Человек в своей жизни очень мало значит для созидания используемого им языка. Даже выдающиеся умы (А.С. Пушкин, М. Лютер, Д. Чосер) вносят весьма посредственный вклад в языковое устройство, да и он ограничен, как правило, созданием литературных норм, т.е. исторически детерминированных продуктов. Язык создает и создает эволюция, а значит, роль человека в языковой истории на нашей планете несколько преувеличена. Как и любой продукт эволюции, язык завершен и незавершен одновременно, поэтому при жизни его невозможно выучить до конца [18. С. 197].

Заключение

Средовый подход следует понимать как реакцию научной среды на эпидемическое распространение постструктуралистских учений в гуманитарном секторе науки. В основе самого подхода лежит тезис о средовом происхождении (любого) языка и невозможности его существования вне границ надорганизменной формы видовой организации – культуры. Культура homo усредненно составляет 1/3 окружающей среды и идентична понятию гердеровской среды обитания человека. Язык существует в «питательном растворе» культуры и выступает связующим элементом внутрисредового взаимодействия всех особей популяции, своего рода «цементом» среды. Будучи эволюционным продуктом, язык диахронно превосходит границы и возможности отдельного вида и даже отдельной микросреды (язык-макропосредник) и образует некую историческую традицию, передаваемую из поколения в поколение через каноны быта, причем синхронный вклад пользователей в медиум языка весьма ограничен. Среда разделяется на много микросред, каждая из которых ведет собственную культурную традицию, которую стремится сохранить (законсервировать). Многообразие языков идентично многообразию средовых разновидностей. При утрате последних судьба индигенных (миноритарных) языков предreshена. Природа языка и вируса во многом схожа: оба передаются путем репликации в человеческой среде, паразитируют в особях и меняют их поведение. Не человек выбирает язык, а язык выбирает человека.

Назначение человеческой среды, а с ней и языка, – преодоление негативных аспектов бытия, т.е. сугубо трансгуманистическое. Базовыми функциями языка выступают: 1) связующая (и ее пандан – демаркационная для разграничения микросред), 2) перформативная и 3) номинативная. Человеческий язык в его сегодняшней форме – ингредиент искусственной (экзосоматической) среды, бессмысленный для биологической эволюции. В силу этого любое изменение в языке, как и развитие самого языка, априори социально детерминировано.

Литература

1. *Dawkins R.* The Ancestor's Tale: A Pilgrimage to the Dawn of Life. London : Weidenfeld & Nicolson, 2005. 626 p.
2. *Iacoboni M.* Mirroring People: The Science of Empathy and How We Connect with Others. NY : Picador, 2009. 336 p.
3. *Савельев С.В.* Нищета мозга. М. : ВЕДИ, 2014. 192 с.
4. *Robson A.L.* Critical / Sensitive Periods // Child Development / ed. Neil J. Salkind. N.Y. : Macmillan Reference USA, 2002. P. 101–103.
5. *Deleuze G., Guattari F.* Rhizom. Berlin : Merve, 1977. 65 s.
6. *Добродомов И.Г.* Концепт // Лучшая вузовская лекция. Академическая филология. Литературоведение. Лингвистика. М. : Изд-во МПГУ, 2004. С. 18–23.
7. *Невзоров А.Г.* Происхождение личности и интеллекта человека. Опыт обобщения данных классической нейрофизиологии. СПб. : Астрель-СПб, 2012. 544 с.
8. *Консерский А.Е.* Логика. М. : Изд-во МГУ, 2014. 336 с.
9. *Haegeman L.* Thinking syntactically: a guide to argumentation and analysis. Cornwall : Blackwell Publishing Ltd., 2006. 398 p.
10. *Конашкова А.М.* Эволюционный подход в науке // Общие проблемы философии науки: Словарь для аспирантов и соискателей / сост. и общ. ред. Н.В. Бряник; отв. ред. О.Н. Дьячкова. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2007. С. 288–291.
11. *Даниленко В.П.* От предъязыка – к языку. Введение в эволюционную лингвистику. СПб. : Алетейя, 2015. 386 с.
12. *Herder J.G.* Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. Darmstadt : Melzer, 1966. 551 S.
13. *Habermas J., Ehalt H.C., Körtner U.H.J., Kampits P.* Biologie und Biotechnologie – Diskurse über eine Optimierung des Menschen. Wien : Picus, 2014. 71 s.
14. *Pierquin de Gembloux C.-Ch.* Idiomologie des animaux ou recherches historiques, anatomiques, physiologiques, philologiques, et glossologiques sur le langage des bêtes. Paris : A La Tour De Babel, 1844. 154 p.
15. *Schwidetzky G.* Schimpansisch, Urmongolisch, Indogermanisch. Leipzig : Verlag der Deutschen Gesellschaft für Tier- und Ursprachenforschung, 1932. 94 s.
16. *Швейцер А.Д., Никольский Л.Б.* Введение в социолингвистику. М. : Наука, 1978. 216 с.
17. *Кобенко Ю.В.* Язык и среда: перспективы средового подхода в лингвистике // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. Вып. 2 (16). С. 32–44.
18. *Кобенко Ю.В.* Язык и среда. Опыт систематизации данных междисциплинарных исследований. Томск : Изд-во ТПУ, 2017. 214 с.
19. *Эттир Э.* Язык и среда: избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Наука, 1993. С. 270–284.
20. *Афанасьев В.Г.* Мир живого: системность, эволюция и управление. М. : Изд-во полит. лит., 1986. 334 с.
21. *Мануйлов Ю.С.* Средовой подход в воспитании. 2-е изд., перераб. М. ; Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2002. 157 с.
22. *Зубов А.А.* Стабильность и адекватность таксономической номенклатуры, относящейся к ранним стадиям эволюции рода Homo // Этнографическое обозрение. 2010. Вып. 2. С. 3–14.
23. *Dawkins R.* The selfish gene. London : Oxford University Press, 1976. 368 p.
24. *Докинз Р.* Вирусы мозга // Химия и жизнь. 2005. Вып. 10. С. 50–57.
25. *Deacon T.W.* The symbolic species: the co-evolution of language and the brain. N.Y. : W.W. Norton & Company, 1998. 528 p.
26. *Гураль С.К., Митчелл Л.А.* О свойстве грамматической аутентичности речи обучаемых // Язык и культура. 2015. № 4 (32). С. 173–181.

Сведения об авторе:

Кобенко Юрий Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка факультета иностранных языков Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: serpentis@list.ru

Поступила в редакцию 3 февраля 2018 г.

LANGUAGE AND CULTURE WITHIN THE ENVIRONMENTAL APPROACH

Kobenko Yu.V., Doctor of Philological Sciences, Department of German Language, Faculty of Foreign Languages, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: serpentis@list.ru

DOI: 10.17223/19996195/41/9

Abstract. The poststructural approaches are critically analyzed in terms of their applicability, arguments are presented in support of an implementing the environmental approach in linguistics, the starting thesis of which is the uselessness of the human language outside the human habitat. The environmental approach exists as one of the subordinate order in the mainstream of a larger evolutionary one, which is the general framework of the theoretical and methodological foundation of the evolutionary theory. The environmental approach originates in the philosophical anthropology of J.G. Herder and is understood as an “artificially created, adapted world”, equivalent to human culture as a combination of anthropogenic factors that constitute an average of a third of the environment. Language is not worth considering as an asset of homo, but rather as a result of forming a superorganic organization form of a population of individuals using a certain system of signs for interaction within their environment, as evidenced by the precedents of rudimentary forms of language using by primates. The environmental approach can be used as a theoretical and methodological basis for the entire range of linguistic phenomena from intra- to extralinguistics. The biological origin of man and the “artificial world” created by him conditioned the dualism of human nature, represented by the binary opposition “somatic (biological) vs. exosomatic (cultural)”. The language belongs to the exosomatic components of the homo habitat and unlike the biological information reproduced as a result of genome transfer to another generation it replicates in the environment extragenomically, thereby revealing a resemblance to the virus: both virus and language use the person as a host and significantly change its behavior. The linguistic nature of a particular individual reveals the signs of an idiolect, whereas the collective language reveals those of a sociolect. The principle of intraspecific language forms’ formation is the selection of useful means, which form the individual subsistence minimum of an individual user and entire collectives. The basic environmental functions of language as an evolutionary product are the connecting (and demarcating as the counterpart of it), performative and nominative ones.

Keywords: environmental approach; evolutionism; habitat; human language; culture.

References

1. Dawkins R. (2005) *The Ancestor’s Tale: A Pilgrimage to the Dawn of Life*. London: Weidenfeld & Nicolson.
2. Iacoboni M. (2009) *Mirroring People: The Science of Empathy and How We Connect with Others*. NY : Picador.
3. Savelyev S.V. (2014) *Nishcheta mozga [The poverty of brain]*. M. : VEDI.
4. Robson A.L. (2002) *Critical / Sensitive Periods // Child Development / Ed. Neil J. Salkind*. NY : Macmillan Reference USA. pp. 101–103.
5. Deleuze G., Guattari F. (1977) *Rhizome*. Berlin : Merve.

6. Dobrodomov I.G. (2004) Kontsept [Concept] // Luchshaya vuzovskaya leksiya. Akademycheskaya filologiya. Literaturovedeniye. Lingvistika. M. : MPGU Publishers. pp. 18–23.
7. Nevzorov A.G. (2012) Proiskhozhdeniye lichnosti i intellekta cheloveka. Opyt obobshcheniya dannykh klassicheskoy neyrofiziologii [The origin of human personality and intelligence. Experience of generalizing the data of classical neurophysiology]. Saint Petersburg : Astrel-SPb.
8. Konverskiy A.E. (2014) Logika [Logics]. M. : MGU Publishers. 336 p.
9. Haegeman L. (2006) Thinking syntactically: a guide to argumentation and analysis. Cornwall : Blackwell Publishing Ltd.
10. Konashkova A.M. (2007) Evolyutsionnyy podkhod v nauke [Evolutionary approach in science] // Obshchiye problemy filosofii nauki / Eds. N.V. Bryannik, O.N. Dyachkova. Ekaterinburg : UrGU Publishers. pp. 288–291.
11. Danilenko V.P. (2015) Ot predyazyka – k yazyku. Vvedeniye v evolyutsionnyuyu lingvistiku [From protolanguage to language. Introduction to evolutionary linguistics]. Saint Petersburg : Aleteya. 386 p.
12. Herder J.G. (1966) Ideas for the Philosophy of Human History. Darmstadt : Melzer.
13. Habermas J., Ehalt H.C., Körner U.H.J., Kampits P. (2014) Biology and Biotechnology – Discourses on the Optimization of Humans. Vienna : Picus.
14. Pierquin de Gembloux C.-Ch. (1844) Idiomologie des animaux ou recherches historiques, anatomiques, physiologiques, philologiques, et glossologiques sur le langage des bêtes. Paris : A La Tour De Babel.
15. Schwidetzky G. (1932) Chimpanzee, Urmongolian, Indo-European. Leipzig : German Society for Animal and Protolanguages Research. 94 S.
16. Shveytser A.D., Nikolskiy L.B. (1978) Vvedeniye v sotsiolingvistiku [Introduction to Sociolinguistics]. M. : Nauka. 216 p.
17. Kobenko Yu.V. (2017) Yazyk i sreda: perspektivy sredovogo podkhoda v lingvistike [Language and Environment: Prospect of Environmental Approach to Language Studies] // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. Vol. 2(16). pp. 32–44.
18. Kobenko Yu.V. (2017) Yazyk i sreda. Opyt sistematizatsii dannykh mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [Language and environment. Experience in the systematization of interdisciplinary research data]. Tomsk : TPU Publishers.
19. Sapir E. (1993) Yazyk i sreda: izbrannyye trudy po yazykoznaniyu i kulturologii [Language and environment: selected works on linguistics and culturology]. M. : Nauka. pp. 270–284.
20. Afanasyev V.G. (1986) Mir zhivogo: sistemnost, evolyutsiya i upravleniye [The world of the living: system, evolution and management]. M. : Izdatelstvo politicheskoy literatury.
21. Manujlov Yu.S. (2002) Sredovoy podkhod v vospitanii [Environmental approach in education]. 2d ed. M.; Nizhny Novgorod : VVAGS Publishers.
22. Zybov A.A. (2010) Stabilnost i adekvatnost taksonomicheskoy nomenklatury, otnosyashchey k rannim stadiyam evolyutsii roda Homo [Stability and adequacy of the taxonomic nomenclature related to the early evolutionary stages of the Homo Species] // Etnograficheskoye obozreniye. 2. pp. 3–14.
23. Dawkins R. (1976) The Selfish Gene. London : Oxford University Press.
24. Dawkins R. (2005) Virusy Mozga [Viruses of the brain] // Khimiya i zhizn. 10. pp. 50–57.
25. Deacon T.W. (1998) The Symbolic Species: the Co-Evolution of Language and the Brain. NY : W.W. Norton & Company.
26. Gural S.K., Mitchell L.A. O svoystve grammaticheskoy autentichnosti rechi obuchayemykh [On the features of grammatical authenticity of learners' speech] // Yazyk i kul'tura – Language and Culture. 4 (32). pp. 173–181.

Received 3 February 2018